

Золотая кассета Дмитрия Сухарева

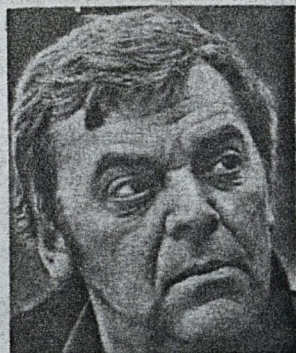
А они спокойно пели: трали-вали-трулюлю

"А дни, как гуси, пролетали".

Иному эта фраза ничего путного не сообщит. Коваль прикасался к ней, затаив дыхание. Ему она была, как дымящаяся дружба, явившаяся вдруг среди пустой породы. Писатель Юрий Коваль очень любил эту фразу.

Исходно (а может, и не исходно) она принадлежала Борису Шергину, прозаику из архангелогородцев, которого Коваль обожал. Коваль писал про Шергина: "Он очень любил эту фразу. Во многих, многих его рассказах снова встречаемся мы с ней — и тронет душу печаль, которую Борис Викторович называл весельем сердечным".

Коваль был веселый человек, то есть печальный, то есть все-таки веселый. "Проведем этот вечер весело", — предложил поэт Юрий Ряшенцев, которому выпала не веселая честь председательствовать на вечере памяти Юрия Коваль. Коваль ушел от нас в начале августа.

Меня Ряшенцев еще за год попросил выступить на вечере, и я терзался целую неделю: что сказать? Я не проводил друга в последний путь, с опозданием узнал о его кончине. Не было слов, только горечь.

Но когда до вечера остались всего одни сутки, случилось вот что.

Я задержался на работе и возвращался домой вместе с милой женщиной, которую давно не видел, а знал еще студенткой. Возле входа в метро, под фонарем, шла остатняя торговля, и мы постояли немного у книжного развала. "А для меня", — сказала моя спутница, — свет сейчас сошелся клином на трех писателях, только их читаю и перечитываю: Искан-

дер, Давлатов и Коваль. Вы не знаете Коваль?"

И, поскольку я молчал, она стала мне рассказывать, какая это роскошная проза — "Недопесок", и "Пять похищенных монахов", и "Картофельная собака"... Тут я прервал свою молчанку и добавил басом: "Опасайтесь лысых и усатых". Она обрадовалась, именно обрадовалась, что со мной можно делиться заветным, и в награду угостила меня длинной фразой из Коваль, которую выговаривала с наслаждением, ибо фраза была действительно вкусная — летучая, печальная, смешная.

И припомнилось невпопад: "А дни, как гуси, пролетали".

В книге "Опасайтесь лысых и усатых" Коваль очень смешно рассказывает о том, как в 1966 году, будучи начинающим автором, он читал своих "Лилипутов" маститому и очень старому певцу Цокотухи.

Сначала он плелся за певцом Айболита по тропке, протоптанной в глубоком снегу, выкрикивая стихи в широкую спину корифея; потом слушанию мешали бородатые литераторы с палками в руках — такими густо заселены переделкинские просторы; потом поперек поэзии встал бульон с пирожками; кроме того, певец Бармалея то и дело отвлекался по причине живости характера. Но по ходу этого приключения Корней Иванович то и дело произносил фразочки, фразы и фразиды. А запасливый юный поэт втихомолку их записывал.

Можно это назвать призыванием. Или, по Боратынскому, поручением. Каждому дарованию поручено свое. "А дни, как гуси, пролетали". Юрий Коваль, мастер летучей фразы, записал и оставил нам эту фразу Бориса Шергина, как записывал, со слов Шергина, фразы Степана Писахова, сказочника из архангелогородцев. Посреди беснующегося, косноязычного мира неторопливо и спокойно низали свой жемчуг радетели русской речи.

Кроме книг, писали картины. И Коваль, и Шергин были отменными живописцами, свои книги оформляли сами, а Писахов даже учился живописи в Париже, кончил

какую-то Академию святого Луки.

На одной из выставок Коваль-художника я с трепетом похаживал поодаль от собственного портрета в надежде, что замечательная работа привлечет внимание знатоков. Увы, не привлекла. В процессе создания шедевра на котором я выгляжу еще хуже, чем в жизни, Коваль иногда схватывал гитару и пел. В том числе собственную версию "Лилипутов". Но к тому времени я уже был очарован песней Сергея Никитина на эти стихи и вняты новому для меня музыкальному их прочтению просто не сумел.

**Жили-были лилипуты,
Лилипуты-чудаки.
Ели, пили лилипуты,
Примеряли колпаки.
Лили, лили лилипуты,
Лили, лили лимонад.
Пели песню лилипуты:
Трали-вали-трулюлю!**

**Пели песню лилипуты,
Лилипуты-молодцы.
Услыхали лилипутов
Королевские гонцы.
Услыхали, поскакали,
Рассказали королю.
Захотел король**

послушать

Трали-вали-трулюлю.

**Притащили лилипутов,
Лилипутов к королю.
Он сказал: "А ну-ка
спойте
Трали-вали-трулюлю!"
Но не спели лилипуты
Трали-вали-трулюлю,
А запели лилипуты:
Бум-бурм-бурм-бурм.**

"Ух, — сказал король, —

Ну, — сказал, —

не потерплю

Что вы спели! Как вы

смел

**Спеть такое королю!"
Заварили лилипуты
Просто кашу-кутерьму.
Их схватили, их связали,
Их упрятали в тюрьму.**

**Но не спали ни минуты
Лилипуты в эту ночь,
Сняли путы лилипуты,
Убежали из тюрьмы.
И до моря добежали,
И уселись на корабль,
И поплыли-полетели
Лилипуты по волнам.**

**Волны синие шумели,
В дно долбили кораблю.
А они спокойно пели:
Трали-вали-трулюлю.**